

проза

АМИН ИЛЬДИН

Автор родился в Бийске.

ЮЛДАШ (путник)

Так спокойно ему становилось, когда рядом устало вздыхали женщины. И какая-нибудь совсем скромная старалась усесться так, чтобы даже одежды их не соприкасались, но на полпути расслаблялась настолько, что прижималась к нему всем боком, и он даже через куртку чувствовал жар ее тела. Однажды молодая женщина заснула, положив ему на плечо голову. Ему было так жалко, что ее разбудили хлопнувшей дверью. И было приятно думать о том, что он внушил ей подлинное доверие своим спокойным смиренным поведением. А за окнами несущегося автомобиля неподвижно молчали звезды.

Этот водитель был разговорчив. Вероятно, его предками были торговцы, сполна овладевшие даром коммуникабельности. Он рассказал Роману историю:

– Ехал в выходной день, пассажиров нет по всей трассе. И вдруг стоит у обочины девушка, такая красивая, я остановился, она говорит: довезите до города, срочно нужно, заплачу, сколько скажете, машин совсем нет на дороге. А сама-то, ты поверишь, ну такая милая, просто милейшая. Из-под капюшона светлые длинные волосы, глаза голубые с таким странным разрезом век, будто его кто-то ножом сделал, а не природа произвела. Садись, говорю, садись, я и денег с тебя не возьму, грех это. Она посмеялась и умолкла, так тихо сидела, что мне и самому боязно было дышать. Довез ее до места, по городу даже прокатил. Она в сумочке копается, я говорю: не нужно! Удачи, счастья вам, и денег не нужно. Она так строго на меня посмотрела: как на ребенка. И отдала мне ровно столько, сколько я беру с троих человек. Я не выдержал: да вы, говорю, с ума сошли, что ли?! Я ведь мужчина, у меня честь есть! Не обижайтесь, говорит, но так нужно, я ценю ваше благородство. Просто не должно быть слишком хорошо

одному человеку, не правильно это, когда все идет ему даром. Если кому-то слишком везет, другому обязательно будет хуже, чем могло быть. Это моя философия, так что не обижайтесь! Положила деньги мне в руки и вышла. Я каждый день проезжаю мимо той деревни, где ее встретил, но не видно ее что-то больше. А интересно бы... Вот так вот бывает в жизни.

Как обычно, под утро его разбудил отголосок вечного шелеста жизни. По трассе возобновилось движение машин, утихавшее далеко за полночь. Он лежал и слушал, не открывая глаз, и ему казалось, что люди всех эпох и народов собрались под стенами дома и медленно поднимаются по лестнице. Вот уже их шаги шуршат по ковру, они ступают уважительно тихо, переглядываясь и предостерегая друг друга от неверного звука. Среди них шумеры с огромными черными бородами, гунны, европейцы. Всегда наступал миг, когда он начинал верить в это, и ему становилось страшно. Роман распахнул веки и резко вскочил с кровати. Ветерок, дунувший из окна, таскал по ковру листок бумаги, оброненный накануне. На том листке был перечень народов, среди которых она некогда могла бы существовать. Он почему-то был убежден, что девушка, которую только и мог он назвать единственной, давно уже отжила свой век. Говорила она на языке, которого он бы ни за что не понял, одевалась чудно и затейливо. А после смерти, как большинство светлых душ, выбрала во вселенной звезду и стала ее добровольным спутником, кружа по орбите. Он был совсем молодым человеком с юношеским лицом тридцати одного года от роду. Но всех, кто знакомился с ним, смущала ранняя седина, покрывавшая его голову. Его первой мыслью при пробуждении часто становилась такая: опять один, а впереди еще целый день пути. Это было чувство одиночества во времени, не в пространстве.

Работа в книжном магазине занимала огромную часть его времени, но была эмоционально пустой. То, что он мог бы пережить в одиночестве за мгновение и сразу забыть об этом, здесь растягивалось на часы. Чувства одиночества и покинутости, ненужности в этом людском потоке, стократно утомляли его душу. Людское любопытство без подлинного интереса, походя протянутые ко всему яркому руки – вот что он созерцал в дневные часы.

Более всего в мире его привлекало ночное шоссе под звездным небом. Недолгое путешествие в попутной машине было его

отдушиной. Его квартира располагалась на втором этаже дома, на краю поселка в 5 км. от города. Он верил, что звезды порой нисходят с небес и встречаются со смертными. Темный холод пространства становится им невмоготу. Верил, что когда-нибудь его попутчицей в автомобиле станет звезда, принявшая облик девушки. У нее будут длинные темные волосы, покрывшиеся от мороза сверкающей сетью.

Еще Роману нравилось ехать вечером в автобусе, когда бог был повсюду. Главное, найти среди этого столпотворения чьи-нибудь глаза и вести с ними немой диалог. Лучше всего – с глазами, отраженными в оконном стекле. Роман часто вспоминал светло карие глаза совсем юной девушки, стоявшей рядом с ним в переполненном людьми автобусе. Не забыть было ее лица с подлинно славянскими, чудом сохранными чертами и невыразимо нежными светлыми глазами с глубоким и черным дном.

Утро он начинал с молитвы, обращенной не к абстрактному божеству вроде Христа или Аллаха, а к богу, чье существование в мире было для Романа несомненной истиной. То был бог мировой плоти, некая сила, управлявшая миллиардными тоннами масс, с непостижимой логикой решавшая, кому из живых быть счастливым и сытым, любимым или же неприкаянным, съеденным, умерщвлённым. Орудием этого грозного божества был случай. С его подачи племена варваров рушили города разума и цивилизации, на блаженных нисходили озарения. У этого бога было бесчисленное количество ликов – не только человеческих, но и звериных морд. У него была плоть. И, может быть, величина ее доли в мире была столь велика именно потому, что не имела никакой изнанки, идеи, обоснования. Просил же он этого бога лишь об одном – дай мне частичку себя, Господи, дай женщину, звук голоса которой будет исцелять мою душу, а улыбка наполнит грудь теплом. Чего стоит тебе, милосердный, привести ее ко мне, сделать возможной встречу? Но суть Бога в том, что у него нет разума. Это, в сущности, единственное, что выделяет его, делает единичным. Он только плоть, собранная из атомов. Иногда размышления заводили Романа в такие дебри, что ему уже начинало казаться: грех – синоним понятия Бог.

Рука женщины, протянувшаяся навстречу – рука мира, Бога, всей Вселенной. В этом жесте, самом естественном и высоком, все эпохи и бытия, все, что было и будет. И нет ничего страшнее и

печальнее, чем равнодушие женщины, которую обожаешь.

Бог ежедневно, ежечасно присутствует в нашем мире. Проклятый бог биомассы. Иногда он надевает личины великих людей. Чем еще объяснить, как не присутствием бога, то, что иные лица навеки запоминаются человечеством, занимают прочное место в галерее истории, воспроизводятся в тысячах образов, тиражируются в бесчисленных портретах и фотоснимках. Художники пытаются угадать каждую секунду существования этих лиц, все оттенки их выражения. Так же и у Романа, на стенах его квартиры, висели портреты Хайяма, Тукая, Лермонтова, Толстого. И становилось светлее от мыслей, что некогда эти люди жили и бродили по нашей земле. Возможно, их помнили оттого, что они были лучше, умнее, добрее, несчастнее, чем статистический средний бог. Сам бог, от несомненности факта существования этих людей, делался менее растворенным во всем житейском.

Каждый народ с достаточно продолжительной историей уже бог. Громадным спрутом распластался он по земле, протянув в прошлое и в будущее свои конечности. Народ не забывает своих глашатаев, поэтов, пророков. Все, кто сгнули не услышанными, нелюбимыми, не имели народа, отчизны.

Роман перестал надеяться, что жизнь вдруг изменится, что он встретит того человека, что принесет ему счастье. Иногда он думал, что полюбить его может только та женщина, которая была вечно, во всех народах, во всех культурах. Ничего не менялось в жизни, его усилий, слов, действий, направленных на улучшение мира, не замечал никто. Сам мир ежедневно менялся и умалялся, стягивался и подступал к границам его существования. Рассмотреть что-либо за горизонтом, даже величайшим усилием воображения, не удавалось. Наступали минуты, когда он понимал правильность своего места в мире, и все неудачи делались объяснимыми. Собственно, в мире возможен лишь один вид одиночества – человека, обреченного быть наедине с богом. Человек может творить города, страны, искусство, но все, что он создал, лишь следствие неутоленной потребности отрешиться от Бога, выбросить его из себя.

Не сказать, чтобы Бобров был другом Романа. Но они общались, взаимно тянулись друг к другу и сказали немало утешительных слов. Бобров, маленький, скромный и невероятно бережливый человек, умудрявшийся экономить и на питании, и на всем прочем, был одержим идеей создания большой, многодетной,

доброй семьи. Он был пристально, увлеченно влюблен в восточную крупнотелую девушку, студентку из Туркменистана. Познакомились они на улице, где Лейсан распространяла рекламные афишки. Бобров очень пожалел несчастную туркменку, и правда красавицу с громадными глазами. С того дня все сэкономленные гроши он тратил на «свою девушку», принимавшую его ухаживания с восточным бесстрашием и терпимостью. Он водил ее в кафе, в кино, покупал ей тетрадки, ручки, учебники. Но увидеться им удавалось нечасто, Лейсан ссылалась на крайнюю занятость. И Бобров постоянно тосковал по ней. Он писал ей ежедневные многословные сообщения, на которые она в силу занятости отвечала редко и скупой. И это тоже было причиной печали Боброва. Он плакал украдкой. Роман часто замечал его красные веки. Бросай ее, хотелось ему сказать. Зачем тратить душевные силы на любовь к человеку, делающему тебя несчастным? Она занята? Настолько, что ей некогда написать в ответ пару слов? Не верь ей. И знай, укрепишь мыслью о том, что слова любви и признательности, бросаемые тобой в пустоту, еще обязательно найдут отклик у другого человека. Ты еще не раз повторить их, и они кого-то сделают счастливым. Жизнь человека устроена так, что все в ней со временем усложняется, не меняясь по сути. Всю жизнь мы совершаем одни и те же поступки, говорим одни и те же слова, и ждем цели, которая наполнит смыслом хотя бы недолгое время нашего бытия, хаотическое нагромождение фраз и действий. И это будет наше лучшее время.

А потом в жизни Боброва наступил кризис. Он узнал, что любимая туркменка беременна и ждет ребенка. Он не мог примириться с мыслью о том, что пока он пропадал на работе, она с кем-то спала. Бобров совершенно изменился в лице, и без того худощавый, какой-то недозревший, слабый, сухой, он совершенно умалился и пожелтел. Роман как мог успокаивал его.

– Знаешь, как он ее подцепил? Пристал на площади, где она раздавала свои листочки, пригласил в столовую и купил ей гречки! Тарелки гречки хватило, чтобы она его стала, вот как! И что за мужики такие?! – говорил Бобров, прикрывая воспаленные от слез и бессонницы веки. – Татарин этот, который ее охаживал! Ну, твари же, просто твари! Если уж она любит его, пусть, я смирюсь, пусть! Так ведь он-то не любит ее. Так не поступают с теми, кого любят! Неужели она, дура, не понимает! Другой бы сказал: ты учишься, доучивайся, я работать буду, нам на жизнь заработаю! Так

нет же, он скорее в постель!

Только об этом и мог говорить Бобров, сокрушаясь, казня весь свет. Каким-то чудом, из последних сил он приходил в магазин и выстаивал на своем посту положенный срок, напряженно всматриваясь в близкую пустоту. Сообщений от ненаглядной своей Лейсан он уже не ждал. Роман всерьез опасался, что наступит миг, и Бобров упадет в обморок или просто умрет. Директор магазина часто укоряла его за неряшливый внешний вид и болезненное, пугающее выражение на лице. Первая седина появилась на висках, в светлых волосах Боброва.

И вдруг все решилось в весенний день, после обеда, когда в магазин, уже с выросшим животом, пришла Лейсан. Она плакала и что-то невнятно говорила Боброву, хватая его за руки. Красота и величие этой сцены поразили Романа и посетителей магазина, и он поспешил направить Боброва и девушку в склад, где они могли объясниться.

Через десять минут она ушла, а Бобров вернулся в зал абсолютно другим человеком. Он улыбался, с лица его спала желтая опухоль. Привалившись к стеллажу, он закрыл глаза и заплакал. Роман успокаивал его, положив на плечо руку.

– Он ее бросил, подлый татарин, – говорил Бобров. – Как дошло до него, что натворил, что создал будущее, которое не обойти, убежал... И теперь она одна. Домой не уедешь, позор для семьи, отец сразу ее убьет. Некуда ей идти, на меня надежда... И я не брошу ее, приму и ребенка! – гордо и воинственно поклялся Бобров. – Теперь она будет у меня, не в общежитии!

Помни, что двое, ожидающие рождения третьего, уже народ. Настал день сказать это Боброву. Роман знал, они будут счастливы, что девочку, которая скоро появится на свет, Бобров будет любить много больше тех детей, что еще обязательно родит ему Лейсан. Это будет дитя-спаситель и миротворец.

В ту ночь, когда она наконец пришла, Роман долго не мог уснуть. Эта ночь напоминала одну из ночей его юности, когда он узнал, что можно взорваться и умереть, став белым пламенем, а потом вновь ходить по земле, будто ничего не случилось. Он не помнил, как засыпал, но каждое пробуждение, внезапное и тяжелое, не оставлявшее тени в ясном пустом сознании, пугало Романа.

На узком балконе, вплотную к стеклу, стояла высокая, чуть склонившаяся вперед фигура.

Черными глазами, ослепшими от межзвездного сумрака, она

следила за ним, она пыталась угадать, вообразить его облик и жесты. А он несмело протягивал к ней руки, положил ладони на ее ледяные плечи и поманил за собой. Медленно ступала она за ним. Незряче переступив порог, она вошла в комнату, и свет лампы упал на нее, разогнав космический мрак. Роман воочию видел, как черно-золотистая пыль осыпается с ее плаща и волос на пол. Она усиленно моргала веками, из ее глаз пролились слезы. И черная пленка, подобная стеклам солнцезащитных очков, покрывается мелкими трещинами, распадается и освобождает способность видеть. Свет ее глаз вылился в мир.

Но следом за ней в его крохотную квартиру ворвались непрошенные гости: легионы гуннов, аккадцев и прочих доисторических варваров, всех тех, кто воевал под звездами, приютившими подобных ей созданий. Размахивая мечами и копьями, крича, выкликая названия явлений, которыми они восхищались, варвары проносились через его комнату, но оставались для Романа теньями, рожденными поворотом лампы. Скрипели кожаные доспехи, звенел металл. Он смотрел на нее, он вглядывался в ее лицо. Он так давно мечтал о ее пришествии.

– Ты священна, – сказал он. – Ты не знаешь о нашем Боге, он не помышлял о тебе. Ты не имеешь отношения к плоти этого мира.

Наполнявший ее тело холод выходил наружу искристым паром, и скоро их обоих окутало белое облако. Это ее портрет видел он на 227 странице книги – слишком дорогого издания, чтобы он мог позволить себе приобрести его. Она, выходящая из облака пара с цветущим садом на щеках, расплескав кудри черных волос.

– Спрячь меня, – просили ее глаза. – Следом идет погоня!

Но где ему было укрыть ее в маленькой хрупкой квартире? Она указала за окно. С неба падали две кометы. Армия защитит меня, но спасешь только ты, сказала она. Кометы были рыцарями в пылающих доспехах. С бешеной скоростью пронеслись они над головами пригнувшихся воинств. Девушка встала за спиной Романа. Он хотел сделать шаг и задернуть шторы, но она прошептала: не смей, заметят.

Но там, откуда они пришли, было другое время. Откуда им было знать, посланцам иной звезды, расположенной в недоступном будущем, где в этом чуждом для них мирке настоящее – сейчас, в котором скрывалась она? Для них Земля была просто камнем, по которому беспорядочно расползалась горячая зыбь, именуемая существованием. Между звездами пронеслись они и помчались

дальше, удаляясь в прошлое. Кажется, острый взор одного из них упал на Романа, застывшего посреди комнаты. Роман отчетливо слышал некое слово, настойчиво повторяемое ими, и поздно дошло до него, что слово то – ее сокровенное имя. В последний раз уловил он его отголоски – и имя умолкло, пропало в далеком прошлом. Кометы неслись уже над другими эпохами, над столицами древности, Вавилоном, Уруком, пирамидами. Жадными глазами рыцари всматривались в лица прекрасных женщин Востока. На востоке затерялся их след. Девушка с облегчением вздохнула и улыбнулась. Мрак ее волос, ресниц, глаз были сумерками посреди маленькой освещенной комнаты.

– Сколько мы можем быть вместе? – сказал Роман. – Почему вместе можно быть только год или два, или целую жизнь, а одному – вечность?

– Прежде, чем взойдет солнце, я должна уйти.

И потом:

– Странно, но я боюсь, – прошептала она. – Я так скоро привыкла к теплу, тесноте этого мира и комнаты, а сейчас мне необходимо проделать громадный путь через холодную пустоту. Я не боюсь замерзнуть, но справится ли мой разум с этой необходимостью, найдет ли мысль достаточно силы, чтобы преодолеть эту стужу?

– Скажи, почему они за тобой гнались? Ведь ты все-равно вернешься?

– По их вере я осквернила себя в эту ночь, ступив на планету живых, умирающих, связав себя с заключенным здесь человеком.

– Я блуждал с тобой по Вселенной!

– Живой или мертвый, ты всегда будешь частью лишь этого мира.

– Ты придешь еще?

– Нескоро. Лишь искупив преступление этих часов. Для этого нужно упасть в пекло ада, в недра звезды. Даже души плавятся в этом котле, не то что тела! Я не погибну, не бойся.

– Я не покину этой комнаты, – сказал Роман. – Раз мы можем видеться только здесь, я ее не покину.

Комната превратилась в камеру, где его изводили пытками ожидания. А мир за ее стенами менялся безостановочно, падая из эпохи в эпоху. И всюду, где бы он ни оказывался, Роман был пленником, ожидающим избавления, но не от тюремщиков, а от нее. Ему звонили, звонил Бобров. Тебя уволят, если и дальше будешь молчать, я очень переживаю, мы с Лейсан переживаем за тебя. Я болею, но скоро выздоровею, пообещал Роман. И больше

уже не отвечал на звонки.

Это было странное государство и населял его странный народ. Вся красота, данная человечеству и разделенная между людьми, всецело выражалась у этой нации в женщинах, невероятно прекрасных, гордых, веселых и страстных. Мужчины, напротив, поражали поникшим видом, робостью, задумчивой степенностью. Работали в той стране преимущественно жены, мужи сидели дома и думали, пили вино, наблюдали звездное небо. Преждевременно седали их бороды. Мужчины посыпали их блестками. Окруженные величайшими красавицами, они смотрелись несчастнейшими из людей. Лишь войны, дело войны оживляли и веселили, преображали их. Они надевали доспехи и шли на бой, как на пир, и радостно, с задором расставались с постылыми жизнями. Чтобы еще более заострить красоту своих женщин, они уродовали себя, нанося на лицо раны. Это был воистину вечный, бессмертный народ. Даже если в битве падут все мужи и неприятель захватит страну, он не дерзнет покуситься на прекраснейших черноволосых и томнооких женщин, он будет побежден их совершенством и радостно возьмет их в супруги. И великий народ возродится.

Мрак ни одной темницы не мог отобрать у него думу о ней. И всюду, где он оказывался, он заполнял пространство своей несвободы мечтами. Мучители оставляли его в одиночестве, а позже находили в камере благоухающий сад. Они страшились углубляться в него, боялись сделать и шаг и навсегда потеряться. Сад был подобием райского сада, захватившего своей красотой всю планету. И, пожалуй, если бы хоть один из стражников дерзнул войти в него и пройти достаточно далеко, он нашел бы громадную площадь и статую самой прекрасной женщины, которой поклонялись толпы мужчин с одинаковыми печальными лицами. Но вместо того, стражники выкликали садовников, и те приходили с серпами, дабы выкосить сад под корень и обнаружить в углу измученного пленника.

Это было уже в конце пути. Сохранились размеры комнаты, контуры предметов, но все было иным, вылепленным из глины. В нише, где прежде были окно и дверь на балкон, стояла статуя согбенного старика, протянувшего руку к небу. Мрачные, сутулые, бородатые люди приносили Роману воду и уходили. Издали их окликали хохочущие голоса женщин. Но в предрассветный час врата темницы открыла другая рука. Она была легкой, прозрачной,

и выступала из мрака, как бутон невиданного прежде цветка.

– Иди! – сказал чистый и резкий, как свет люминесцентной лампы, голос.

– Звезда? – закричал Роман. Он сумел подняться, хватаясь за скользкие выступы в стенах, добрал до двери и сошел по лестнице. Куда подевался город, шум жизни которого сопровождал часы его заключения? Глинобитную хижину, бывшую для Романа темницей, окружала белоснежная равнина. Видимо, ночью шел снег, затем ударил мороз. Но с первыми лучами встающего солнца наступила весна, и снег таял, тянулся к небу – будто хрустальные цветы проросли. Роман шел по равнине, и под его стопами лопались стеклянные стебли. Последние звезды рассыпались пеплом у самой земли, на западе. Глиняная твердыня покрылась трещинами и развалилась. Роман был в начале времен, и только что завершилась ночь.

Последняя звезда, встряхивая пепельно-серебристой гривой, упала за горизонт. В долинах между холмами блестела испаряющаяся вода. Весь день Роман шел по холмам, потом по равнине. Стада быстроногих пугливых животных паслись на ней. Роман шел с уверенностью, что путь куда-то его приведет, но равнина сменилась пустыней, и брел он уже по песку. И вновь наступила ночь, и вновь лучи звезд продавили сухие сумерки. Силы оставили Романа, он лег на землю. В груди бился и жег нарыв тоски. Она была неподъемной тяжестью, с магнетической мощью распластавшая его на песке.

– Ты не дошел до меня чуть-чуть, – сказал знакомый голос, и Роман, приоткрыв глаза, увидел обнаженные ступни женщины. – Поднимайся, – сказала она. – Присядем к свету.

Роман встал и последовал за высокой фигурой в темном ниспадающем одеянии. Они перешли через дюну и сели возле огня на песок. То был не костер, ибо его не из чего было зажечь в пустыне – светилась, вспыхивала на ветру, раскидывала разноцветные искры гряда битого стекла.

– Наша встреча могла состояться лишь здесь? – сказал Роман, всматриваясь в ее вытянутое лицо с огромными глазами, обрамленное платком. – Так далеко в прошлом...

– В прошлом? – изумилась она. – С чего ты взял? Пойми, для нас, пришельцев со звезд, не существует вашего прошлого или будущего, для нас ваша планета – просто место жизни и смерти.

– Хорошо, пусть так. И все-таки это несомненно прошлое...

Прошлое всегда ближе ко сну, чем к подлинной жизни. Пусть. Главное, здесь мы будем вместе. Ты прошла свое искупление, и никто уже не найдет тебя тут, в пустыне, в начале времен.

– Ты думаешь, это песок? – Она усмехнулась. – Нет, это пыль, все, что осталось от плоти воинов, призывавших меня бессчетные века, от их доспехов, оружия. Они умирали, не дождавшись ответа, их место занимали следующие.

Роман взял горсть песка в ладонь. Она была холодна и ничем не напоминала о жизни.

– Все они любили тебя? – сказал он.

– Да. Мужчины такие смешные. Даже те, кто часто меняет женщин. И все-равно верят в какое-то высшее женоподобное божество, которое однажды до них снизойдет.

– Как странно ты говоришь сегодня. Ты сегодня совсем другая: ты ли была со мною той ночью? Так говоришь, будто между нами невозможна любовь...

– Любовь! – Она страшно, громогласно расхохоталась. – Ты правда поверил в то, что я люблю тебя? Как можно любить человека – он всегда умирает, каждый день, каждый час?

– Зачем же ты приходила ко мне?

– Охладиться, – смеясь, сказала она. – Остыть от жара звезды, моей родины, и охладиться возле умирающего. Человек – брешь на теле Вселенной, откуда дует освежающий ветер смерти. Затем и приходим мы в ваш мир.

Роман слушал и не верил ее словам.

– Но тебе необязательно знать и думать об этом. Хватит, тебе пора туда, что ты называешь своим местом!

Она вскочила и взмахнула руками. Поднялся ветер, вздулась и закружилась пыль – все быстрее, яростнее. А свет, исходящий от груды битых стекол, разгорался и бил во все стороны, как прожекторы. По воле женщины песчаный вихрь отливался в формах и застывал, и вот Роман узнал одну из улиц города, где часто бывал. Прямая и широкая, окаймленная рядами высоких, крепких и одиноко стоящих зданий, она напоминала улицу города ацтеков.

– Вот твое место, иди, – сказала она.

Утром Роман покинул свою квартиру с мыслью, что впереди еще долгий день, что таких дней впереди много – но он уже не один. Он нашел народ в самом себе – там, откуда дул ледяной сквозняк, обдувавший горячие тела звезд. И всегда, везде он

Журнал «Огни над Бией» №38 - 2016

отныне радостно платил за двоих, за троих – за всех, кто еще придет в этот мир следом за ним. Он не просил надежды у звезд, он вообще редко смотрел на них. Его надежда была там, где сливались два ледяных потока жизни.